

«Быт» и «бытие» в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер»

В статье рассматривается наполнение понятий «быт», «бытие», «имаго», «детскость», «инфантильность» в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер». Выявляется концептуальная для творчества Л. Улицкой идея: преодолевая фазу «инфантильности», освобождаясь от социального страха, человек способен возрасти в духе и преобразовать «быт» в «бытие».

Ключевые слова: современная русская литература, Людмила Улицкая, «Зеленый шатер», тема, проблема.

Место Л. Улицкой в современной русской литературе предопределено тем, что в ее прозе совмещается несколько ракурсов изображения: конкретно-исторический, философский и субъективно-личностный. Л. Улицкой удается представить на страницах своих произведений «быт» и «бытие», демонстрируя при этом внимание к деталям и подробностям и высокую степень художественного обобщения. Историю социальную и историю человеческую Л. Улицкая изображает с равной глубиной и занимательностью. Можно согласиться с утверждением Т. Григорьевой, применившей к роману Л. Улицкой «Зеленый шатер» известную формулу «энциклопедия русской жизни».

Хронологические рамки романа определяются ключевыми точками изображаемого исторического времени: смертью Иосифа Сталина в 1953 г. и смертью Иосифа Бродского в 1996 г. Писательница тщательно рисует «образ эпохи»: «похороны Сталина и давки с тысячами погибших; неоднородность диссидентского движения; причины, по которым уезжали за границу и оставались»¹. Из череды разрозненных фактов она выстраивает свой образ хорошо знакомого ей времени, акцентируя от-

дельные детали, объединяя их своим видением, создавая собственный миф о прошлом. Роман «Зеленый шатер» – это способ осмысления писательницей прошлого и настоящего, создание обобщенного образа российского бытия на протяжении сорокалетия. Сама Л. Улицкая так определила центральную проблему произведения: «В 1953 году мне было десять лет. Было не много устоявших в противоборстве с режимом, который растлевал человека изнутри. Эта книга про великое растление, которое власть произвела. И до сих пор люди не вполне обрели достоинство и самоуважение»². Название романа отсылает нас к вопросам покаяния и всеобщей вины, жизни и смерти, к проблемам взросления, нравственного выбора. С помощью прецедентного евангельского феномена писательница раскрывает эти вопросы на примере жизни своих героев. Их нравственный выбор связан с участием в диссидентском движении. Тем самым в романе оказывается заявленной одна из ведущих проблем романа – проблема взаимоотношения индивидуума и власти. В начале произведения параллельно представлены четыре сцены разного восприятия вести о смерти советского вождя, одинаково контрастных искреннему отчаянию, которое проявили толпы москвичей, хоронивших Сталина. Л. Улицкая показывает страх, презрение и скептицизм героини романа Тамары, ее матери и бабушки, отчаяние, грубый цинизм Гали и ее родных, равнодушие Оли и ее матери, чувство облегчения, испытанное учителем литературы Виктором Юльевичем Шенгели. Большинство героев книги испытывают на себе жестокость времени, находят в открытой конфронтации с действующим режимом.

На страницах романа встречаются упоминания о книгах, затрагивающих вопрос взаимоотношений человека и государства: «1984» Дж. Оруэлла, «Говорит Москва» и «Искупление» Ю. Даниэля, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. Эти и другие книги тайно читают, перепечатывают, распространяют герои-диссиденты. Для Л. Улицкой важна вписанность персонажей в литературу и историю, их чувство причастности к историческому процессу, выраженное мыслями Миши: «Не в подворотне живем, в истории. И Пастернак по этому переулку ходил каких-то двадцать лет тому назад. А сто пятьдесят лет тому – Пушкин. И мы тут проходим, огибая лужи»³.

Л. Улицкую не раз критики называли очень внимательным свидетелем эпохи, ее цепким наблюдателем и интерпретатором. Вопросы личного нравственного выбора, страха и совести в романе «Зеленый шатер» поднимает профессор Винберг. Его рассуждения, спровоцированные историческим моментом, приобретают философский смысл: «Все, кого я видел из теперешних борцов с режимом, на грани, на тонкой грани между здоровьем и болезнью. Ты помнишь эту женщину, которая вышла на площадь с ребенком в коляске? Существует инстинкт самосохранения, материнский инстинкт, заставляющий мать защищать своего ребенка. Но не существует в природе инстинкта социальной справедливости!»⁴

Стоит заметить, что автор не идеализирует диссидентство. Для Л. Улицкой это явление неоднозначно: так, например, герой книги Илья «играет» в диссидента, и деятельность эта приносит ему заработок, подпольщики и авторы самиздата вступают в конфликт друг с другом, разбиваются на группы и партии. Автор не делает каких-либо выводов, дает читателю лишь почву для размышлений о том, что же такое диссидентство, каковы психология и мировоззрение людей, составляющих его.

Композиция романа подчинена логике поиска ответов на эти вопросы. «Зеленый шатер» представляет собой 30 взаимосвязанных фрагментов, объединенных несколькими сквозными темами и героями. Отдельные человеческие истории, положенные в основу глав романа, обобщаются в его финале, где повествование об обыденном перерастает в размышления о высоко бытийном. Внутренняя логика фрагментов едина: в каждой главе мы видим, как человек, поднимаясь или падая духовно, меняет представление об обыденности, повседневности, в конце концов понимая (или не понимая) ее важность не как объекта противостояния и борьбы за лучшие условия проживания, но как этапа подготовки души к бессмертию⁵. Так из изображения «быта» в романе вырастают размышления о «бытии».

В контексте сказанного необходимо заметить, что слова «быт» и «бытие» до принятия христианства в русском языке не осознавались как разносмысловые. Так, в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» быт определяется и как уклад жизни и как род жизни⁶. В словаре С. И. Оже-

гова значения этих слов различаются: «быт – общий жизненный уклад, повседневная жизнь», а «бытие (книжн.) – объективная реальность, существующая независимо от нашего сознания». Автор словаря дает объяснение смысла слова, близкого к «бытию», – «бытье» (устар.) – жизнь, образ жизни⁷. Следовательно, можно сделать вывод о том, что слово «бытие» пришло в язык одновременно с усвоением христианских ценностей.

Понятия «быт» и «бытие» в романе Л. Улицкой используются следующим образом: первым обозначена каждодневная жизнь с ее заботами о «хлебе насущном», вторым – наполнение жизни добрыми делами в относительно краткий период земного существования, духовный рост, преображение душевного человека в человека духовного⁸.

Все персонажи Л. Улицкой, которые не прошли по этому пути внутреннего развития, наделены повествователем определением «бедные» (от корня «беда»). Так, в главе «Дом с рыцарем» учитель литературы Виктор Юльевич Шенгели был назван Ильей, одним из его любимых учеников, «беднягой» и «гениальным неудачником». Из кумира, блестящего и элегантного гения, за которым мальчишки и девчонки ходили вслед, в сорок пять лет он превратился в спившегося старика, брошенного женой, так и не дописавшего свою главную книгу о детстве, потерявшего любимую работу и осознавшего, что «страх намного сильнее красоты и мудрости». По Л. Улицкой, главная ошибка жизни учителя заключалась в том, что он стремился исключительно интеллектуально познать и научно обосновать устройство мира и человека. Но жизнь его так и осталась рутинным «бытом», хотя в нем были все возможные потенциалы посредством творческого служения людям превратить «быт» в «бытие».

Еще одна значимая проблема романа – взросление, становление личности. На страницах романа автор нередко использует лексему «имаго». Имаго – это окончательная стадия индивидуального развития насекомых. Будучи биологом по образованию, Л. Улицкая сравнивает становление личности с завершающим этапом развития бабочки: «Несмышленные малыши, человеческие личинки, они потребляют всякую пищу, какую ни кинь, сосут, жуют, глотают все подряд впечатления, а потом окукливаются, и внутри куколки все складывается в нужном порядке...»⁹

Глава о самоубийстве Миши называется «Имаго». Становясь на подоконник, Миша бормочет: «Имаго, имаго!». Об имаго много рассуждает учитель литературы Виктор Юльевич Шенгели. Его волнует вопрос о том, когда заканчивается детство. Он считает, что полноценная личность – та, которая сама распоряжается своей судьбой, несет ответственность за себя и других. Шенгели утверждает, что инициации может помочь страх, поэтому поколение людей, переживших войну, было самостоятельное современного. Однако, существует и другой тип страха: тот, который испытывают люди в условиях тоталитаризма, который нередко заставляет их поступаться требованиями совести. Виктор Шенгели – одаренный, талантливый человек, он хочет стать ученым или писателем. Но время, в которое он родился, война, страх перед властью, не позволили ему стать тем, кем он мог. Герой был убежден, что причина несовершенства людей скрыта в общественных отношениях, что у поколения детей периода сталинских репрессий, к которому он принадлежит, невозможна «инициация взросления» через положительные импульсы, потому что они прошли «инициацию страхом». Экстраполировать «быт» в «бытие» ему помешало и то, что ему довелось жить в эпоху атеизма.

Шенгели говорит о значении личности учителя, роли книги как «катализатора» взросления, напоминая своим ученикам, что «литература – лучшее, что есть у человечества»¹⁰. «Поэзия – это сердце литературы, высшая концентрация всего лучшего, что есть в мире и в человеке. Это единственная пища для души. И от вас зависит, будете вы вырастать в людей или останетесь на животном уровне. Литература – единственное, что помогает человеку выживать, примиряться со временем»¹¹.

Помимо лексемы «имаго», разрастающейся в словоупотреблении Л. Улицкой до символа самостановления человека, на страницах романа используются слова «детскость» и «инфантильность». «Детскость» в контексте романа получает положительное истолкование, «инфантильность» – отрицательное. Так, следуя библейским заповедям, порой сами того не осознавая, по-детски чисто живут такие герои Л. Улицкой, как Миша, Ольга, Тамара. Эти персонажи имеют веру в сердце. Жизнь их полна тягот и лишений, но они с достоинством преодолевают трудности и с детски открытым сердцем помогают окружающим. Их путь к

идеалам смирения и всепрощения тоже представляет собой подобие инициации – герои проходят через испытание болезнями, утратой близких, страданием, любовью. Вспомним в этой связи таких героев романа, как Илья, Саня. Героям удастся преодолеть инфантильность, но при этом сохранить детскость.

Библейское определение «детскости» – чистота души, помыслов, простодушие, смирение, всепрощение – точно описывает характер Миши. Он обладает такими качествами, как душевная чуткость, незлобивость, готовность прощать и друзей, и врагов. В «Зеленом шатре» больше нет ни одного героя, который был бы настолько же честен, чист и открыт. Виктор Юльевич Шенгели, школьный учитель, привил ему любовь к литературе, к родному языку, а Яков Петрович Ринк, преподаватель института, помог найти подход к «особенным» детям. Даже уходит из жизни Миша не потому, что устал от тягот и невзгод (а их было очень много), а потому, что не хочет навлекать неприятности на своих родных и близких. Это герой, которому удалось возвыситься над «бытом» до «бытия», насытить свою жизнь добрыми делами за период земной жизни, возрасти в духе.

Превращение быта (земной обыденности) в бытие, ведущее к вечности, – важнейшая тема творчества Л. Улицкой, затронутая ею в романе «Зеленый шатер».

¹ Григорьева Т. Людмила Улицкая. Зеленый шатер [Электронный ресурс]: Электронный текст рецензии / Т. Григорьева // OPEN SPACE Colta: сайт – 24.01.2011. – Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/20064/?expand=yes> (дата обращения: 27.03.2017)

² Светова З. Не было победителей у времени [Электронный ресурс]: Текст интервью / З. Светова // The New Times: сайт. – Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/32107> (дата обращения: 16.05.2017).

³ Там же. С. 434.

⁴ Улицкая Л. Е. Зеленый шатер / Л. Е. Улицкая. М.: АСТ, 2015.

⁵ Вуколова В. С. Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект). Дис. на соиск. уч. ст. к.ф.н. Тамбов: ТГУ, 2017.

⁶ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 8-е изд., стереотип. Т. 1. М.: Рус. язык. – Медиа, 2007.

- ⁷ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. 24 изд., испр. М.: «Оникс 21 век», 2004. С. 80.
- ⁸ *Вуколова В. С.* Указ. Соч.
- ⁹ *Улицкая Л. Е.* Зеленый шатер / Л. Е. Улицкая. М.: АСТ, 2015. С. 85.
- ¹⁰ Там же. С. 82.
- ¹¹ Там же. С. 44.